

КОМПОЗИЦИОННАЯ СЕМАНТИКА: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Словосочетание, подобно любым другим единицам языковой системы, допускает разнообразие исследовательских приемов и процедур анализа. Традиционным для англистики XX века (как, впрочем, и для лингвистики вообще) является структурный подход к словосочетанию. В рамках данного подхода словосочетание описывается как состоящее из главного и зависимого компонентов, между которыми устанавливаются соответствующие синтаксические отношения: согласование (*these houses*), управление (*saw her*), примыкание (*beautiful buildings, very quickly*), а также иногда замыкание (так называемое *enclosure: a very beautiful building*).

Поскольку в данной статье не ставится задача дать полную картину исследования словосочетания в отечественном и зарубежном языкознании, мы оставляем вне поля нашего зрения такие важные вопросы, как:

а) является ли словосочетанием синтагматическое соединение любых позиционно свободных, но синтаксически связанных элементов предложения или же, напротив, только лексически однозначных элементов;

б) является ли словосочетанием синтагматическое соединение имени и глагола или же, напротив, в таком случае мы имеем дело уже с предложением;

в) какие типы словосочетаний выделяются и противопоставляются друг другу в различных версиях структурного анализа языка (эндоцентрические и экзоцентрические, глагольные и именные, атрибутивные, объектные и адвербиальные, ядерные и безъядерные, предложные и беспредложные и т.д. и т.п.);

г) как следует рассматривать такие языковые образования, которые, с одной стороны, оформляются как универбы, а, с другой стороны, отвечают такому основополагающему признаку словосочетания, как создаваемость в речи согласно существующему языковому образцу/модели, а не воспроизводимы в речи в качестве уже существующей лексической единицы (ср. нем. *Achtstundetag*, рус. *двенадцатиэтажный, четырехтомный, шестистольный* и т.п.).

Трактовку этих и других смежных проблем теории словосочетания с позиций структурного описания языка читатель найдет в таких работах, как, например, [Ахманова, Микаэлян 1963: 7-36; Бархударов 1966: 44-144; Бурлакова 1984; Жигадло, Иванова, Иофик 1956: 234-238; Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981: 100-163; Иофик, Чахоян, Поспелова 1981: 100-116; Смирницкий 1957: 55-99; Burlakova 1971; Plyish 1971: 171-181; Irtenyeva 1969: 49-61] и др.

Альтернативный подход к словосочетанию лежит в обширной области контентивно ориентированных теорий, то есть таких, которые базируются на анализе словосочетания с точки зрения взаимодействия семантики входящих в его состав компонентов. Общее название для данной исследовательской сферы – композиционная семантика, в рамках которой существуют течения, характеризующиеся различными ракурсами рассмотрения семантического взаимодействия языковых единиц. Опишем некоторые способы раскрытия содержательной неоднородности структурно идентичных словосочетаний.

Один из таких способов (его можно было бы назвать семантико-трансформационным) заключается в том, что структурно идентичные словосочетания осмысляются как содержательно разные, исходя из лексико-категориального значения их компонентов. Доказательством служит расширительная трансформация структурно идентичных словосочетаний в семантически разнотипные структуры. Например, словосочетание *the doctor's book* вследствие того факта, что его компоненты обозначают соответственно лицо и предмет, может быть трансформировано в *a doctor possesses a book* и охарактеризовано как выражающее отношения обладания (заметим, что в таких случаях возможен и пассивный трансформ: *the book is possessed by the doctor*). Словосочетание *the doctor's friend* осмыляется как именуемое двух лиц, находящихся в симметричных отношениях: врач находится в определенных отношениях с некоторым лицом, которое находится в таких же отношениях с врачом. Отсюда правомерность трансформации *the doctor has a friend* и невозможность трансформации **a friend is had by the doctor, *a friend is possessed by the doctor*. Элементы словосочетания *the doctor's illness* осмыляются как лицо и некоторое физическое состояние, из чего вытекает правомерность трансформации *the doctor is/was/will be ill*. Аналогично обстоит дело со словосочетанием *the*

doctor's anger, элементы которого обозначают соответственно лицо и эмоциональное состояние, что высвечивается в трансформе *the doctor is/was/ will be in anger*. Отличной от только что рассмотренных будет интерпретация словосочетания *the doctor's arrival*. Благодаря своему семантико-категориальному статусу *arrival*, будучи существительным, обозначает не лицо, вещь, физическое или эмоциональное состояние, а событие, и, следовательно, словосочетание в целом будет осмысляться как обозначение лица, совершающего некоторое действие и трансформироваться в *the doctor had (has) arrived/ arrives/ is arriving/ will be arriving*. Наконец, в словосочетании *the doctor's arrest* также нетрудно распознать номинацию лица и номинацию события. Однако, в отличие от предшествующего примера лицо будет трактоваться не как инициатор действия, а как объект чьего-либо воздействия. В этом случае и все словосочетание закономерно трансформируется в *the doctor had been/has been/ was/ is being/ will be arrested*.

Говоря предельно просто, описанный выше способ основывается, прежде всего, на знании значения синтаксически связанных слов, а также на владении нами правилами синонимических преобразований, что позволяет увидеть за структурно однотипными словосочетаниями широкий репертуар семантически разнородных конфигураций.

Другой способ композиционно-семантического анализа словосочетания (его можно было бы назвать референционно-семасиологическим) основывается, с одной стороны, на анализе лексического значения входящих в словосочетание элементов, а, с другой, на анализе того, сколько референтов (денотатов) обозначает данное словосочетание (см. [Никитин 1996]). В соответствии с данным подходом все словосочетания делятся на две большие группы: экспликационные и элизионные. Экспликационные словосочетания состоят из имени-экспликандума, то есть того, что характеризуется, описывается и имени-экспликанта, то есть того, что характеризует или описывает имя-экспликандум. Такие словосочетания номинируют один референт в форме имени-экспликандума, а также его свойства, качества и т.д. в форме имени-экспликанта. Примерами экспликационных словосочетаний будут такие, как *beautiful building, an interesting book, whiteness of the snow*, состоящие из экспликандумов *building, book, snow* и экспликантов *beautiful, interesting, whiteness* соответственно. Элизионные словосочетания именуют два денотата, причем формальный (частеречный) способ именованья несущественен: денотат может быть поименован именем прилагательным (*the wooden table*), существительным в форме так называемого притяжательного падежа (*the doctor's guests*), существительным в форме общего падежа (*paper flowers*), местоимением (*her dress*) и т.п. При этом имя отношения между двумя денотатами подвергается элизии, то есть, по сути, эти отношения остаются непоименованными, неназванными, необозначенными. Имя отношения, однако, всегда может быть восстановлено: *a wooden table = a table made of* wood* (стол, **изготовленный из** дерева), *the doctor's guests = guests invited by the doctor* (гости, **приглашенные** врачом), *paper flowers = flowers made of paper* (цветы, **сделанные** из бумаги), *her dress = dress belonging to her* (платье, **принадлежащее** ей). Как видим, метод эксплицирующей трансформации работает и здесь – даже в абсолютно идентичных со структурной точки зрения элизионных словосочетаниях он позволяет выявить широкую гамму отношений между компонентами: *a city cathedral = cathedral located in the city* (собор, **находящийся** в городе); *the city mayor = the mayor ruling the city* (мэр, **управляющий** городом); *city conveniences = conveniences typical of a city* (удобства, **типичные** для города); *city transportation = transportation operating in the city* (транспорт, **работающий** в городе/**обслуживающий** город).

Третий способ, на котором остановимся более подробно (его можно было бы назвать когнитивно-семантическим), заключается в осмыслении человеком концептов и концептуальных связей, фиксируемых словами как элементами словосочетания. Данный способ опирается на концептуальную картину мира в голове человека, представляющую собой не что иное, как всю совокупность знаний человека об окружающем мире и о нем самом, его, так сказать, информационный профиль. Из сказанного следует, что для уяснения сущности концептуально-семантического подхода к анализу словосочетания необходимо обратиться к природе концепта, к описанию его генезиса, свойств и функций.

При всем имеющемся разнообразии дефиниций концепта понимание его основных сущностных свойств может быть сведено к следующему. Концепт есть ментальное образование, представляющее собой информационный сгусток, квант информации, формирующийся в сознании человека в результате взаимодействия с внешним миром, а также в результате мыслительных операций при наличии уже достаточно богатого и разнообразного репертуара концептов, когда взаимодействие уже существующих концептов может создавать новые или модифицировать созданные ранее. Процесс образования концептов в сознании человека

* полужирным шрифтом выделяется имя отношения

называется концептуализацией и характеризуется как постоянный, живой, творческий, непрерывно обогащающийся и уточняющийся по мере углубления познания человеком мира и себя в мире. Генерируемые сознанием концепты не находятся в хаотичном состоянии, а группируются на основе общих признаков в классы и подклассы, множества и подмножества и т.д., выстраиваясь в некую динамичную и лабильную систему. Данный процесс именуется категоризацией, так как его суть и результат – образование концептуальных категорий. Концептуализация обычно характеризуется как имеющая вероятностную, нежесткую природу, когда границы между классами концептов не прочерчены четко, когда имеется множество пограничных переходных зон, размытых межкатегориальных границ, проницаемых областей между концептуальными классами. Постепенно складывающаяся в голове человека концептуальная гиперсистема именуется концептуальной картиной мира и обеспечивает, с одной стороны, ориентацию человека во внешнем мире, а, с другой стороны, его мыслительно-языковую (коммуникативную) деятельность. Эта последняя функция концептуальной картины мира становится возможной благодаря тому, что концептуальные единицы регулярно соотносятся с языковыми единицами, составляя их содержательное ядро. Нередко поэтомо языковое значение определяют как концепт, «схваченный», «связанный» знаком [Кубрякова 2004; Никитин 1996]. Рассматривая этот процесс под несколько иным углом зрения, можно сказать, что одна из функций языкового знака состоит в фиксации концепта, а также в выведении его во внешний план (иначе говоря, в его экстерииоризации), в обеспечении его коммуникативных возможностей.

Введя понятие концепта, следует указать на ту роль, которую играет взаимодействие концептов в конструировании словосочетания. Дело в том, что на уровне языка в качестве абстрактной словарной единицы слово (вернее, лексема) обладает, как правило, многозначностью, а, значит, потенциально способно ассоциироваться не с одним, а с целым рядом концептов. Когда же слово вступает в синтаксический контакт с другим словом, то есть становится элементом словосочетания, происходит актуализация одного из фиксируемых данным словом концептов, вынесение на передний план, высвечивание одного из имеющихся у слова значений. Это происходит потому, что, соединяясь, слова соединяют и фиксируемые ими концепты. Концепты, в свою очередь, «подыскивают», подбирают себе пару таким образом, чтобы вновь образованное концептуальное единство было бы информационно осмысленным, давало бы информационно удовлетворительный результат. Иначе говоря, слова, становясь элементами словосочетания, актуализуют те свои значения, которые хорошо согласуются друг с другом, и которые в совокупности дают коммуникативно приемлемый результат.

Так, одно из значений полисемантического глагола *to run* «бежать» позволяет ему становиться частью таких словосочетаний, как, например, *to run fast*, *to run along the street*. Причины понятны: *fast* описывает такой параметр действия, который оказывается ингерентно присущ действию бега, *a long the street* служит описанием точки или отрезка пространства, в котором может происходить и происходит действие бега. В словосочетании *to run a restaurant* глагол *to run* актуализует другое из своих значений – «управлять, содержать». Данное словосочетание опять-таки оказывается вполне осмысленным, ибо *restaurant* – это как раз одно из тех учреждений, которые нуждаются, чтобы ими управляли, их содержали или обслуживали.

Другой возможный случай соединения слов в составе словосочетания – это когда содержательные компоненты слов-элементов словосочетания на первый взгляд не согласуются друг с другом и в своих примарных значениях не дают информационно удовлетворительного результата. Для понимания словосочетаний такого рода необходимо проделать более длинный путь, подыскивая концептам, фиксируемым элементами словосочетания, такие соответствия, которые делали бы все словосочетание, в конечном счете, осмысленным и коммуникативно пригодным. Так в языке рождаются различные виды тропов, а также идиомы и фразеологизмы, например, *to run the risk*, *to run over the keys (of the piano)*, *to run the guard*, *to run a blockade*, *to run in an election*, *to run for president*.

Наконец, третья (чисто гипотетическая) возможность соединения слов в словосочетание – это когда содержательные компоненты элементов словосочетания никак не согласуются друг с другом, являются концептуально несовместимыми, не сопрягаются в осмысленные единства. Таковы, например, словосочетания **to run approximately*, **to run a window*, ** to run along air*. Такие и им подобные словосочетания можно сконструировать лишь умозрительно, чисто теоретически; в реальной речевой практике они невозможны, так как являются коммуникативно неприемлемыми. Причина их коммуникативной неадекватности состоит вовсе не в том, что они представляют собой структурно ненормативные образования (как раз с точки зрения структуры они нормативны и могут быть поставлены в параллель с приведенными выше коммуникативно адекватными словосочетаниями). Причина их функционального паралича и коммуникативной

непригодности состоит в рассогласованности фиксируемых ими концептов, а, значит, в принципиальной неконгруэнтности выражаемых ими квантов информации. Таким образом, именно факт взаимодействия концептов обуславливает отмеченность (обычность) полуотмеченность (необычность) и неотмеченность (невозможность) тех или иных словосочетаний в речи.

С учетом изложенного выше вернемся к особенностям анализа словосочетаний с когнитивно-семантических позиций. Для примера попробуем сравнить словосочетания *a warm coat* и *warm water*. Ни один из упомянутых выше исследовательских подходов не позволяет увидеть между ними какой-либо содержательной разницы. Действительно, оба словосочетания номинируют вещь и приписываемое ей свойство; расширительная трансформация обоих словосочетаний также не вскроет никакой разницы между ними: *a warm coat = a coat which is warm*, *warm water = water which is warm*; оба словосочетания относятся к разряду экспликационных; каждое из словосочетаний именуется одним денотатом, следовательно, ни в том, ни в другом случае нет возможности реконструировать имя отношения между денотатами как это могло бы иметь место в случае элизионных словосочетаний. Таким образом, для того, чтобы вскрыть содержательную разницу между рассматриваемыми словосочетаниями, не остается ничего другого, кроме как обратиться к нашим знаниям о том, как устроен мир, к той информации о мире, которая закодирована концептами, формализованными во внешней знаковой форме в виде элементов словосочетаний *a warm coat* и *warm water*.

Цепь наших рассуждений в отношении рассматриваемых словосочетаний могла бы принять следующий вид. Когда мы говорим *a warm coat*, мы вовсе не имеем в виду, что температура пальто является выше температуры человеческого тела и что, следовательно, при прикосновении к данному объекту мы ощутим его как теплый. Наше знание мира говорит нам о том, что признак температуры вообще не является релевантным для пальто; по-настоящему существенным для нас является то, что пальто есть предмет одежды, основной функцией которого является защита человеческого тела от неблагоприятных погодных условий, в частности, от переохлаждения. Следовательно, называя пальто теплым, мы вовсе не имеем в виду температуру самого пальто; существенным для нас является ощущение тепла, испытываемое человеческим телом при использовании пальто по прямому назначению. Таким образом, прилагательное *warm* в словосочетании *a warm coat* относится, по сути, не к пальто, а к нашим телесным ощущениям – теплым является не то пальто, при прикосновении к которому рука ощущает тепло, а то, при ношении которого ощущение тепла испытывает человеческий организм. Заметим, что пальто, которому мы приписываем признак теплоты, в обычных условиях (то есть при отсутствии искусственного его нагревания) является как раз, скорее, холодным, или прохладным, так как его температура обычно совпадает с температурой окружающей среды, в большинстве случаев являющейся ниже температуры человеческого тела.

Совсем иначе обстоит дело со словосочетанием *warm water*. Обращаясь к нашим знаниям об устройстве мира, мы без труда установим, что признак температуры является существенным для воды. Ощущая и используя воду как холодную, прохладную, теплую, горячую, человек постоянно соотносит ее температуру с температурой собственного тела; характеризуя воду как теплую, человек говорит о температурных качествах самой воды, определяемых относительно его органов чувств или соответствующих измерительных приборов. Таким образом, теплая вода – это такая, которая сама по себе является теплой (прежде всего на ощупь), а теплое пальто – это такое, которое само по себе не является теплым (при восприятии на ощупь оно вполне может оказаться холодным); теплое пальто – это такое, в котором тепло человеку, носящему его.

Рассмотрим еще один пример словосочетаний, идентичных по всем параметрам, за исключением когнитивного. Словосочетания *long hair* и *a long way* осознаются как содержательно разные не только потому, что номинируют разные денотаты, но также и потому, что одно и то же прилагательное *long*, описывающее эти денотаты, фиксирует принципиально разную их длину. Действительно, какие человеческие волосы мы назовем длинными? В одних случаях те, что до плеч, в других – те, что до пояса, в-третьих – те, что у стоящего человека достигают пола, то есть практически равняются его росту. Итак, длина длинных волос варьирует от нескольких десятков сантиметров до полутора-двух метров, каковой факт и фиксируется нашим знанием реального мира, оформленным в концептуальную картину мира. Напротив, длинный путь в человеческом понимании – это такой, на преодоление которого потребуется немало времени, а также, возможно, физических усилий в случае, если человек передвигается без помощи транспортных средств. Длина длинного пути в словосочетании *a long way* остается не специфицированной, однако, основываясь на все той же концептуальной картине мира, мы сделаем безошибочно правильный вывод, что даже самый короткий по человеческим меркам длинный путь будет намного длиннее, чем самые длинные волосы.

Подобный же вывод будет еще более очевиден, если словосочетание *a long way* подвергнется контрасту со словосочетаниями *a long nose, long eyelashes, long legs, a long neck, long fingers, long nails, etc.* Таким образом, свойство «быть длинным» будет осмысляться всякий раз по-разному, будучи приписанным разным денотатам; информация о «нормативной» длине денотатов – то есть о такой, которая устанавливается, как правило, опытным, эмпирическим, индуктивным, часто интуитивным путем – находится в нашем сознании в форме соответствующих концептов, фиксируемых на языковом уровне в виде слов – элементов словосочетаний.

Проведенный выше анализ некоторых словосочетаний с когнитивной точки зрения не может не натолкнуть на мысль о том, что их осмысление производится человеком исходя из его собственных физических (физиологических) и психологических параметров. Такой угол зрения на природу языковых явлений в когнитивной лингвистике, как известно, принято называть антропоцентрическим. Антропоцентризм есть такой подход к явлениям языка, когда за точку отсчета принимается сам человек во всех его многообразных ипостасях – телесной, чувственно-эмоциональной, духовной. В данном контексте известный общегуманистический принцип «человек есть мера всех вещей» конкретизируется, превращаясь в лингвистический принцип «человек есть своего рода эталон, по меркам которого в значительной степени «скроен» его язык». Это особенно наглядно проявляется в словосочетаниях, один из элементов которых представлен параметрическим словом, то есть таким, которое обозначает не денотат, а одно из его свойств, какой-либо параметр. С точки зрения частеречной принадлежности такие слова представлены, как правило, прилагательными и наречиями, регулярно используемыми для выражения таких параметров, как размер (*large, small, big, tiny, huge, enormous, etc.*), скорость (*fast, slow(ly), quick(ly), speedy, etc.*), вкус (*sweet, bitter, salty, delicious(ly), etc.*), температура (*hot, cold, warm, cool, etc.*), протяженность (*long, short, deep, shallow, high, etc.*), вес (*light, heavy*) и т.п. Сюда же с известной долей условности можно отнести слова, обозначающие психические, эмоциональные и физические реакции (*jolly, sad(ly), passionate(ly), impatient(ly), pleasant(ly), nice(ly), beautiful(ly), shameful(ly), shameless(ly), etc.*). Все эти слова в той или иной степени приложимы к человеку, так или иначе характеризуют его; сам же человек использует их отнюдь не только для обозначения собственных параметров, но и параметров вещей, предметов внешнего мира. В последнем случае за исходную точку человек все равно принимает себя самого, соотнося параметры внешних явлений с собственным телесным, психо-эмоциональным, интеллектуальным опытом. Проиллюстрируем сказанное примерами.

Говоря *a heavy stone*, человек оценивает вес камня применительно прежде всего к своим собственным физическим возможностям – для него тяжелым является такой камень, который ему трудно поднять и/или нести. Возможно, для физически более сильных живых существ (например, медведя или слона) задача поднятия или перемещения того же самого камня вовсе не показалась бы сколько-нибудь обременительной. И в их представлении поэтому тот же самый камень характеризовался бы как легкий. Однако принцип антропоцентризма в том, в частности, и заключается, что характеризует и номинирует объекты человек, а не медведи или слоны. Рассмотрим еще один пример. Словосочетание *to move fast* будет использовано человеком для характеристики такой скорости перемещения объектов в пространстве, которая является высокой по меркам физических возможностей самого человека. Наконец, *a good deed* – это такой поступок, который оценивается в качестве положительного с этических, моральных или прагматических позиций, на которых находится сам человек, дающий такую оценку.

Ясно, что имеющаяся у человека способность к метафорическому и метонимическому переосмыслению мира многократно увеличивает его возможности в плане использования параметрических слов для описания денотатов самого разного рода. Отсюда осмысленность и обыденность словосочетаний типа *sharp criticism, sweet words, bitter irony, a big deal, to talk small, deep satisfaction, high rank, heavy-weight politician, slow progress, etc.*

Завершим рассмотрение словосочетания с когнитивной точки зрения описанием того, как их элементы могут соотноситься с элементами концептивного пространства. Выше мы уже отмечали, что семантика отдельного слова часто рассматривается как концепт, связанный знаком. Посмотрим, однако, всегда ли существует взаимно-однозначное соотношение между словом и концептом, или, говоря другими словами, всегда ли можно установить такую связь между элементами словосочетания и концептивным инвентарем, чтобы каждому из элементов словосочетания соответствовал определенный концепт, а концепт, в свою очередь, находил выражение лишь в одном элементе словосочетания.

При первом приближении может показаться, что каждый отдельный элемент словосочетания последовательно соотносится с отдельным концептом, средством фиксации и экстерииоризации которого он является. Анализируя такие словосочетания, как, например, *a hard*

job, a boy's book, to run fast, мы, действительно, увидим, что каждый из элементов словосочетаний может быть поставлен в соответствие с определенным концептом: *hard* – с концептом трудности, *job* – с концептом работы; *boy* – с концептом мальчика, *book* – с концептом книги; *run* – с концептом бега, *fast* – с концептом скорости.

Однако ниже мы попытаемся обосновать точку зрения, согласно которой такая симметрия между единицами языкового и единицами концептивного планов имеет место далеко не во всех случаях.

Так, словосочетание *a blue-eyed boy* допускает двойную интерпретацию: во-первых, возможно буквальное дословное прочтение «голубоглазый мальчик» (*a boy with blue eyes*), и в этом случае мы можем констатировать концептуально-вербальную симметрию; а во-вторых, возможно идиоматическое прочтение этого словосочетания, а именно – как «любимчик» (*favourite*), и в этом случае нам придется констатировать наличие концептуально-вербальной асимметрии – несколько значимых единиц плана выражения (слов) служат средством выражения одного концепта. Словосочетания *an iron bar* и *the iron curtain* при всей их внешней схожести также оказываются концептуально различными: если первое из них вполне поддается анализу как типичное элизийное словосочетание (*a bar made of iron*), то для второго такого рода анализ будет носить явно искусственный и надуманный характер – *the iron curtain* это вовсе не *the curtain made of iron*, а “a barrier to understanding and the exchange of information created by the hostility of one country toward another, esp. such a barrier between the Soviet Union or its allies and other countries (used by Winston Churchill in 1946 to describe the line of demarcation between Western Europe and the Soviet zone of influence)”. Отсюда видно, что в случае с *the iron curtain* достаточно просто структурированное двусловное языковое выражение фиксирует довольно обширную, богатую и сложноструктурированную когнитивную область, охватывающую большое количество разнообразных концептов.

С другой стороны, такое словосочетание, как железная дорога (*railway*) будет явно осмысляться и носителями русского языка, и носителями английского языка как выражающее один концепт, хотя при появлении железнодорожного движения его языковые обозначения осознавались и русскими, и англичанами как выражающие два концепта – русскими как «дорога, сделанная из железа», англичанами – как “*way made of rails*”. С течением времени, однако, первоначальная мотивировка и у русских, и у англичан постепенно стиралась, уступая место функциональной мотивировке: на первый план выходит не тот факт, что дорога изготовлена из железа или из рельсов, а тот факт, что это есть способ передвижения, перемещения в пространстве. Вот почему коммуникативно нормальными будут считаться вопросно-ответные единства типа *Как ты добрался до Москвы? – По железной дороге* и *How did you get to Moscow – By railway* и аномальными – такие, как **По какой дороге ты добрался до Москвы? – По железной* и **By what kind of way did you get to Moscow? – By the way made of rails*. Неслучайно английский язык изначально словосочетание *rail way* перевел в разряд универбов (*railway*) – орфография в данном случае есть удобный и компактный способ индикации того, что одно слово (хотя и сложное) выражает один концепт, а не два. Русский язык в силу его типологических особенностей, выражающихся, в частности, в наличии богатой флективной морфологии, не способен столь просто решать проблему преобразования словосочетаний в слова, что иногда затрудняет решение вопроса о том, с каким количеством концептов соотносится то или иное словосочетание.

Говоря об индикативной роли орфографического фактора в английском языке, необходимо отметить следующее. В тех случаях, когда языковое сознание интерпретирует некую содержательную сущность в качестве одного концепта, на языковом уровне этот концепт получает выражение в виде односложного образования, например *blueberries, bluebells*. Когда же языковое сознание колеблется, не будучи уверенным в том, сколько содержательных сущностей следует выразить средствами языка, возникает орфографическая вариативность: слитное или дефисное написание (*bluepencil, blue-pencil; blueprint, blue-print*); дефисное или раздельное написание (*blue-chips, blue chips; taxi-driver, taxi driver*); слитное или раздельное написание (*bluewhale, blue whale; bluebook, blue book*) или же вообще любое (*taximan, taxi-man, taxi man*). Данное наблюдение еще раз подтверждает тезис, выдвигавшийся выше, а именно: концептуализация и категоризация есть процессы, характеризующиеся как живые, лабильные и нежесткие, а языковое сознание человека, выражая гибкую и вероятностную природу когнитивных процессов, делает возможной вариативность языковых форм и конструкций.

Список литературы

1. Ахманова О.С., Микаэлян Г.Б. Современные синтаксические теории. – М., 1963.

2. Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. – М., 1966.
3. Бурлакова В.В. Синтаксические структуры современного английского языка. – М., 1984.
4. Жигadlo В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. – М., 1956.
5. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М., 1981.
6. Иофик Л.Л., Чахоян Л.П., Поспелова А.Г. Хрестоматия по теоретической грамматике английского языка. – Л., 1981.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004.
8. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб., 1996.
9. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М., 1957.